

УСМАНОВА ФИРДАУС САБИРОВНА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРИЯЗЫЧИЯ
В УСЛОВИЯХ ТАТАРСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ
ПРИ КОНТАКТЕ С НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ
(на материале выражения падежных значений)**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

**10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тобольск - 2008

Работа выполнена на кафедре татарского языка, литературы и МП
ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт имени
Д.И.Менделеева».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Вафеев Равиль Айсавич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шайхулов Алмас Галимзянович (г. Уфа)

кандидат филологических наук, доцент
Гильфанов Равиль Тагирович (г. Тюмень)

Ведущее учреждение: Стерлитамакская государственная
педагогическая академия им. Зайнаб
Биишевой (г. Стерлитамак)

Защита диссертации состоится «19» декабря 2008 г. в 13.00 часов на
заседании Объединенного диссертационного совета ДМ 212.316.01 по
специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский
язык) в Тобольском государственном педагогическом институте им.
Д.И.Менделеева по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Тобольский государственный педагогический институт им. Д.М.Менделеева»
по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте
Тобольского государственного педагогического института им. Д.М.Менделеева
«18» ноября 2008 года.

Режим доступа: <http://www.tobgpi.ru/info/nauka/aspirantura>.

Автореферат разослан «18» ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439014

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Ф.С. Сайфуллина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблема двуязычия и многоязычия, первым компонентом которых являются тюркские языки, как в прошлом, так и в настоящем, не вызвала и не вызывает сомнения. Важность исследования этой проблемы, в первую очередь, определяется тем, что в стране повысился интерес к изучению не только русского языка как государственного, но и иностранных языков, а также изменилось отношение к изучению культур коренных народов Российской Федерации.

Двуязычие (билингвизм) и многоязычие (полилингвизм) являются характерными признаками языковых контактов и языковой ситуации в истории развития человечества. В результате исторического развития они имеют тенденцию к расширению, усложнению и углублению своих свойств.

Широкие современные международные связи, обусловленные сегодняшней российской действительностью, ставят задачу проведения новой языковой политики, направленной на подготовку специалистов по иностранному языку, способных успешно внедрять и реализовывать новые технологии в сферах производства, образования, культуры, науки, техники, а также другие нововведения в процессе контактов с зарубежными специалистами.

В этой связи в российской системе образования происходят значительные положительные изменения: открываются и довольно успешно работают нетрадиционные типы образовательных учреждений – лицей, гимназии, колледжи, где уделяется большое внимание изучению иностранных языков. В современных образовательных учреждениях стало выделяться больше учебных часов на изучение не только первого иностранного языка, но и второго.

Особо актуальной становится проблема изучения иностранных языков в условиях массового национально-русского двуязычия, в частности татарско-русского. В этих условиях носители татарско-русского двуязычия становятся триязычными (трилингвами) или многоязычными (полилингвами).

Овладение русским языком учащимися-татарами в условиях массового двуязычия является первой и значимой ступенью в формировании языковой личности, при этом изучение иностранного языка в школе – это следующая ступень в этом процессе.

Лингвистическое образование, т.е. изучение языков и культур, тесно связано с реализацией в современном мире двух важнейших тенденций: фундаментализацией образования и интеллектуализацией личности.

Однако, несмотря на такую заинтересованность к изучению второго иностранного языка, а также обучению иностранному языку в условиях национально-русского двуязычия, в настоящее время существует ряд недостаточно решенных проблем, связанных с разработкой теоретических основ двуязычия и многоязычия и практикой обучения языкам.

Анализ научных работ, посвященных обучению первому, второму неродным языкам, в частности русскому, немецкому, показал, что не определены теоретические основы обучения иностранным языкам в условиях естественного национально-русского двуязычия, не раскрыто содержание

основных аспектов двуязычия и многоязычия; не выявлены их этапы, формы, степень интерференции, стратегии и тактика обучения; не всегда учитывается специфика преподавания второго иностранного языка при переносе приемов и методов обучения с первого неродного.

Целью нашей диссертационной работы является комплексное изучение двуязычия и многоязычия для разработки теоретических основ триязычия (многоязычия) в условиях татарско-русского двуязычия при контакте с немецким языком (на материале падежных значений).

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи:

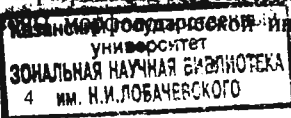
- раскрыть содержание вопросов теории, истории двуязычия и многоязычия;
- рассмотреть социально-политические контакты разных народов как фактор становления и функционирования двуязычия и многоязычия;
- выявить многоаспектную сущность двуязычия, триязычия (многоязычия);
- определить аспекты двуязычия, триязычия (многоязычия), задачи их изучения для разработки теоретических основ билингвологии и полилингвологии;
- описать функционирование различных форм и видов двуязычия, триязычия (многоязычия) индивида;
- определить зоны морфологической интерференции в системе падежных форм и значений татарского и русского при контакте с немецким;
- выявить принципы сопоставления системы падежных значений и их форм в немецком, русском и татарском языках как основа определения интерферентных явлений;
- описать выражение форм категорий падежа в немецком, русском и татарском языках.

Объектом исследования является двуязычие, триязычие (многоязычие), как сложное многоаспектное явление в его социологическом, психологическом, лингвистическом, социолингвистическом, психологическом, лингвокультурологическом, лингводидактическом аспектах.

Предметом исследования стали факторы формирования теоретических основ триязычия, многоязычия в условиях национально-русского двуязычия.

Методологической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам двуязычия и многоязычия А.В. Аврорина, В.А. Артемова, Э.М. Ахунзянова, Л.К. Байрамовой, Н.З. Бакеевой, Р.Ю. Барсук, Б.В. Беляева, З.У. Блягозя, У. Вайнрайха, Р.А. Вафеева, Е.М. Верещагина, Ю.Д. Дешериева, М.З. Закиева, К.З. Закирьянова, И.А. Зимней, Н.В. Имададзе, Ю.Н. Караулова, А.Е. Карлинского, В.Ю. Розенцвейга, Л.В. Кашкуревича, Б.А. Липидуса, Х. Свита, У. Вилдомца и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что, во-первых, предпринята попытка комплексного осмысления явлений двуязычия, триязычия (многоязычия) в условиях национально-русского двуязычия при контакте с немецким и разработки теоретических основ этого явления; во-вторых, определяются

системе выражения падежных форм и значений татарского и русского языков при контакте с немецким языком.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в современном концептуальном осмыслении научных основ двуязычия и триязычия (многоязычия) в условиях массового татарско-русского двуязычия и вносит определенный вклад в разработку этой проблемы.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации и выводы могут быть использованы в учебном процессе в форме курсов по выбору (элективные) при обучении иностранным языкам в двуязычной и многоязычной аудитории, при разработке лингводидактических основ овладения навыками адекватного выражения форм категорий падежа в немецком языке в татарско-русской двуязычной аудитории.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фундаментальным условием формирования и развития дву- и триязычия в условиях многоязычия является изучение их в лингвистическом, социологическом, психологическом, социолингвистическом, культурологическом и лингводидактическом аспектах:

– такое расслоение объекта двуязычия (многоязычия) на множество аспектов исследования преследует цель всестороннего и глубокого научного познания самого объекта.

2. Наши исследования интерференции родного и русского языков при контакте с немецким в условиях естественного национально-русского двуязычия убедительно доказывают, что овладение новым материалом второго неродного языка (ЯИ 3) обучающиеся могут произвольно использовать в качестве опоры любой из ранее усвоенных языков (ЯР 1, ЯР 2):

– вопрос о том, какой из ранее усвоенных языков является причиной интерференции не решен и вызывает споры;

– принцип овладения языком в любом случае остается единым.

3. Тот или иной уровень адекватного выражения падежного значения может определяться условиями, в которых на решающей стадии осуществляется активизация конкретного падежного значения:

– при этом, под условиями понимается количество и степень сложности операций, осуществляемых параллельно с отрабатываемым действием для преодоления интерференции родного или первого неродного языка.

4. Уровень разработанности научных основ непосредственно связан с сопоставительным изучением иностранного языка (ЯИ 3) с родным (ЯР 1) и с первым неродным (ЯР 2). Такое изучение создает основу общей теории языка и позволяет:

– установить единые законы организации и функционирования единиц различных языковых систем и подсистем;

– определить типологические общности языков, специфические факты, явления, которые остаются вне поля зрения при изолированном исследовании.

5. При анализе контактов двух, трех языков и выявлении специфики их воздействия в процессе обучения второму, третьему языкам важно учитывать результаты этноязыковых контактов, типологические особенности языков,

нетождественность понятийно-смысловых комплексов языковых систем и грамматических средств их выражения.

Методы исследования. В работе использованы традиционно описательный, сопоставительный (контрастивный), сопоставительно-типологический методы, а также методы параллельного изучения и лингвистического анализа.

Апробация работы. Основные положения диссертации представлены в виде научных докладов и сообщений на международных, всероссийских, областных, окружных, межвузовских научно-практических конференциях: «Итоговая научно-практическая конференция преподавателей и студентов Орского гуманитарно-технологического института – Орск, 2004»; «Международная научно-практическая конференция – Уфа, 2005»; «Международная научно-практическая конференция – Тамбов, 2006»; «Международная научно-практическая конференция – Оренбург, 2007»; «Областная научно-практическая конференция – Оренбург, 2007»; «Всероссийская научно-практическая конференция «Сулеймановские чтения – 2007» – Тюмень, 2007; «Всероссийская научно-практическая конференция. Занкиевские чтения – 2007 – Тобольск, 2007»; «Всероссийская научно-практическая конференция. Сулеймановские чтения – 2008 – Тобольск, 2008»; «Международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию акад. М.З. Закиева - Sterlitamak, 2008».

По теме исследования опубликовано 15 статей в научных сборниках, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении формулируется актуальность проблемы, темы исследования, определяются цели и задачи, предмет и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы и принципы исследования, достоверность и обоснованность результатов, а также даются формы апробации.

Первая глава «Вопросы теории и истории двуязычия и многоязычия» включает четыре параграфа.

В первом параграфе *«Социально-политические контакты разных народов как фактор становления и функционирования двуязычия и многоязычия»* раскрывается история становления и развития контактов различных народов, в том числе русского народа с народами бывшего СССР и немецким народом.

На протяжении всей истории развития человеческого общества разные народы вступают в экономические, политические, военные, культурные, научные и другие отношения. В процессе общения этих народов происходило формирование различных типов двуязычия и многоязычия. Двуязычие в первобытном обществе носило случайный и временный характер, получивший наименование элементарного первобытного двуязычия.

С появлением многонациональных государств возникают более сложные формы общения между народами. На этом этапе общественного развития человечества появляются билингвы, полилингвы и профессиональные переводчики. Устойчивые формы и типы двуязычия возникли в эпоху феодализма (V-XVIII вв. для Западной Европы, IX-XVIII вв. – для России). Появление функционального двуязычия было характерным явлением в мире индуизма (древнеиндийский язык – санскрит); у китайцев, корейцев, японцев, вьетнамцев – вьетнамский (древнекитайский) и тибетский; у мусульманских народов – классический арабский и классический персидский; у христиан – это греческий, латынь, церковнославянский; в мире иудей – культовый иврит и т.д. и т.п.

Истоки формирования массового национально-русского двуязычия в России восходят к XIV-XV вв. В основе этого процесса лежали различные факторы и, прежде всего, добровольное вхождение этносов, народов в состав России. В результате различных контактов, формирования разных типов и видов двуязычия и многоязычия народы обогащали свою культуру, свой язык на основе взаимодействия с русским. В этой связи поучителен пример экономических, культурных контактов России с Германией, уходящих от современности в древнейшие времена. Как показывает лингвистический анализ, еще в XI веке были усвоены немецкими диалектами русские слова.

Торговые и культурные контакты времен расцвета Киевской Руси особенно усилились в средние века, когда купцы Ганзы вели оживленную торговлю с Новгородом, Псковом, Смоленском и Витебском. Немцы и русские постоянно общались также в Риге, Ревеле (Таллинн), Дерпте (Тарту) и Нарве. В Ревеле, например, в начале XVI в. были официальные переводчики-маклеры, не считая тех кушцов и чиновников, которые хорошо знали русский язык. Ученые насчитывают десятки слов, заимствованных немецким языком непосредственно из русского в ходе контактов XII-XVI вв.: юфть, сафьян, выхухоль, алтын, гривна, рубль, верста, аршин, ям, пристав, корда, слобода, стерлядь, квас, кнут и др.

Интерес к русскому языку стимулировался и необходимостью освоить богатую культуру, науку и технику страны. В 1698 г. в университете г. Галле были организованы первые официальные курсы русского языка, на которых преподавали и русские студенты, приехавшие в Германию на обучение. Узнав об этом, Петр I выразил свое глубокое удовлетворение. Русский язык становится все более востребованным. Наряду с бобровым мехом, воском, икрой, пенькой, юфтью, Западная Европа все больше черпает географические, естественно-испытательские, научно-культурные сведения из России. Интерес к русской культуре становится определяющим фактором для судьбы русского языка в Германии, что способствовало возникновению новых форм билингвизма и полилингвизма.

За столетие, с 1700 по 1800 годы, в Германии было издано в общей сложности 1486 произведений, в том числе 366 русских авторов, включая такие, как «Слово о полку Игореве», повесть Н.М. Карамзина «Марфа Посадница», былины, романсы и др. В этой связи Бранденбургский гофрат И.

Рейтер в меморандуме, адресованном будущему прусскому королю Фридриху I, указывал на необходимость изучения русского языка как средства взаимопонимания с народами Восточной Европы и познания великой России. Подобная форма пропаганды русского языка – это основа основ формирования сознательного типа двустороннего билингвизма.

Во втором параграфе *«Многоаспектная сущность двуязычия, триязычия (многоязычия), их дефиниции»* рассматривается содержание многоаспектной природы двуязычия, триязычия (многоязычия). Сложность и многоаспектность данного явления повлияла на появление множества определений понятия «двуязычия» и «многоязычия». Среди дефиниций двуязычия и многоязычия встречается как полярно противоположные, так и компромиссные суждения. Это объясняется тем, что данные явления изучаются учеными различных специальностей и, соответственно, каждый интересуется определенным аспектом проблемы. В такой ситуации трудно дать универсальное определение, которое отражало бы все параметры и критерии их аспектов с одновременным учетом индивидуальных особенностей билингва, полилингва в отдельности, и выражало бы социальные потребности в двуязычии и многоязычии, уровень владения ими, а также сложный характер функций социальных групп с учетом политических, экономических, психологических, лингвистических, культурных факторов.

Если категория двуязычия – это соотношение родного языка (ЯР1) и второго (ЯР2), то совершенно не определено содержание категории триязычия (многоязычия). Так, одни считают, что двуязычие представляет собой один из наиболее распространенных типов многоязычия. Следовательно, при исследовании вопросов трилингвизма (полилингвизма) необходимо учитывать результаты, полученные при изучении билингвизма [Катагощина, 1972:13; Mackey, 1967:11; Haugen, Marx, 2000:1; Weinreich, 2000:1 и др.]. Другие считают, что изучение взаимовлияния трех языковых систем невозможно в рамках билингвизма и требует учета специальных условий, факторов, наблюдаемых при триязычии [Barton-Hauwaert, 2000; Ringdom, 2001; Hufeisen, 2003; Flynn, Foley, Vinnitskaya, 2004; Isaakidis, 2004 и др.].

Для учета специальных условий и факторов исследования триязычия, нами проанализированы имеющиеся дефиниции двуязычия, а затем определены аспекты, формы, типы двуязычия и триязычия (многоязычия). Источником определения двуязычия стала дефиниция одноязычия, сформулированная Е.Н. Верещагиным: «Если первичная языковая система определенным членом семьи используется и во всех прочих ситуациях общения и если им никогда не используется иная языковая система, то такой человек может быть назван монолингвом (буквально: одноязычным) в определенных ситуациях общения употребляется и другая языковая система (вторичная). В этом случае носитель двух систем общения (т.е. человек, способный употреблять для общения две языковые системы) называется билингвом (буквально: двуязычным). Относящиеся к первому и второму случаю умения, т.е. умения, присущие соответственно монолингву и билингву, называются монолингвизмом и билингвизмом» [Верещагин 1969:17].

Здесь акцентируется внимание на умении использовать для общения две языковые системы, но ведь допустимо умение использовать и три языковые системы в соответствии с законами триязычия. При этом ничего не говорится о степени владения двуязычием, о ситуациях общения, в которых бы проявлялись различные формы, виды, типы двуязычия и перенос этих факторов на триязычие. Отсутствие понятия степени владения двуязычием наблюдается и в дефинициях билингвизма у многих других исследователей. Категория степени владения двуязычием – является важным понятием для опоры при определении категории триязычия (многоязычия).

Нами были проанализированы содержательные определения категории двуязычия, сформулированные такими известными учеными, как М.Н. Губогло, Б.Х. Хасанов, У.В. Вайнрайх, В.Ю. Розенцвейг, Л.Х. Даурова, Ж.К. Маруза, О.С. Ахманова, К.З. Закирьянов, Л.Г. Членов, Н.П. Алексеев, Ю.О. Жлуктенко, А.И. Холмогоров, Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко, З.У. Блягоз, А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский, Э.Г. Хауген, Е.Н. Верещагин, Р.А. Вафеев, В.А. Аврорин, Дж.Г. Фишман и др. В результате анализа определений категорий двуязычия вышеуказанных авторов мы пришли к выводу, что чрезвычайно трудно дать универсальную дефиницию двуязычия, и тем более триязычия (многоязычия), отражающую все параметры и критерии аспектов двуязычия с одновременным учетом индивидуальных особенностей каждого билингва в отдельности и выражающую социальные потребности и степень владения им, а также сложный характер функции социальных групп с учетом политических, экономических, культурных факторов при той или иной языковой ситуации в определенной стране.

Однако предпринятый анализ дал возможность нам четко определить наличие различных аспектов двуязычия и триязычия (многоязычия), выявить несовместимость понятия «степени владения» двуязычием, триязычием (многоязычием) в различных аспектах их изучения, установить различные задачи их исследования, как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Третий параграф *«Аспекты двуязычия, триязычия (многоязычия), задачи их изучения для разработки теоретических основ билингвологии и полилингвологии»* посвящен обоснованию билингвологии и полилингвологии как самостоятельных областей знания, обладающих собственным объектом, предметом, целью, задачами и аспектами исследования.

Анализ многочисленных трудов по проблеме двуязычия, многоязычия дает основание говорить, что эти явления нередко с какой-то одной точки зрения, одного аспекта или же с разных, но как бы существующих в отдельности вне всякой связи друг с другом, т.е. атомарно. Не сомневаясь в актуальности подобных работ, все же следует отметить, что при таком подходе не раскрывается характер взаимосвязи и взаимообусловленности аспектов как целостной картины объекта изучения проблемы. По нашему мнению, двуязычие, многоязычие и языковой контакт как многоаспектные явления должны рассматриваться комплексно. Ведь целостная, комплексная характеристика любого явления требует его изучения, анализа одновременно

под разным углом зрения или под различными параметрами. Это достигается путем их сопряжения и комбинирования.

Проблема изучения двуязычия достигла такого уровня, что отдельные исследователи выделяют её в самостоятельную область знания – в билингвологию, обладающую собственным объектом, предметом и аспектами исследования [Закирьянов 1984; Вафеев 2001]. Установлено, что билингвология занимается изучением сущности двуязычия, функционирования разных языков в их различных аспектах и разработкой общей его типологии. Каждый его аспект является предметом интереса лингвистов и социологов, социолингвистов и психологов, психолингвистов и литературоведов, культурологов и педагогов, этнологов и философов, юристов и экономистов, политиков и мн. др. В этой связи принято выделять лингвистический, социологический, психологический, социолингвистический, психолингвистический, культурологический, литературоведческий, лингвокультурологический, педагогический и др. аспекты исследования двуязычия. Такое расслоение объекта на множество аспектов исследования преследует цель глубокого, всестороннего научного познания самого объекта.

Для определения объекта и предмета полилингвологии как самостоятельной области знания необходимо вкратце рассмотреть вопрос, чем же занимается каждый аспект как предмет исследования двуязычия, какими дефинициями оперируют исследователи каждого аспекта, установить их взаимосвязь и взаимообусловленность, выявить основные аспекты для определения научного подхода к обоснованию новых технологий формирования двуязычия и триязычия (многоязычия).

Под двуязычием подразумевается его национально-русский тип или его конкретный татарско-русский вид. Символический тип и вид двуязычия обозначили ЯР1-ЯР2, где первый компонент двуязычия ЯР1 - язык родной, второй компонент – ЯР2 – язык русский. Такое обозначение более объективно отражает суть современного состояния национально-русского (татарско-русского) двуязычия, так как для многих нерусских, в том числе для татар, русский язык становится вторым «родным языком».

Под триязычием подразумевается национально-русско-иностраный тип (НРИ) или его конкретный татарско-русско-немецкий вид (ТРН). Символический тип и вид триязычия обозначили ЯР1-ЯР2-ЯИЗ (тип триязычия) или ЯР1-ЯР2-ЯНЗ (вид триязычия). Тип триязычия ЯР1-ЯР2-ЯИЗ может иметь свое продолжение в виде многоязычия: ЯР1-ЯР2-ЯИЗ-ЯИ4-ЯН5..., поэтому тип триязычия, его продолжение в форме других видов назвали термином, «многоязычие» (полилингвизм). Следовательно, тип триязычия (трилингвизм) синонимичен понятию «многоязычие» (полилингвизм). Конкретный вид триязычия ЯР1-ЯР2-ЯНЗ – татарско-русско-немецкий (ТРН) может иметь свои варианты ЯР1-ЯР2-ЯАЗ – татарско-русско-английский (ТРА), ЯР1-ЯР2-ЯФЗ – татарско-русско-французский (ТРФ) и т.д.

В работе подробно анализируется содержание таких аспектов как лингвистического, психологического, социологического, психолингвистического, социолингвистического, культурологического,

лингвокультурологического, педагогического, литературоведческого, аспектов изучения двуязычия и многоязычия. Задачи изучения вышеуказанных аспектов рассматриваются через призму задач лингводидактического аспекта овладения двуязычием и многоязычием.

В четвертом параграфе «*Функционирование различных форм и видов двуязычия, триязычия (многоязычия) индивида*» рассматриваются различные этапы овладения вторым, третьим языками как средством общения, которые соответствуют различным формам триязычия, отражающие степень владения двумя, тремя языками. Основными критериями классификации владения двуязычием и многоязычием в любом их аспекте являются правильность/неправильность, понятность/ непонятность, коммуникативность/ некоммуникативность созданных речевых произведений двуязычными, триязычными (многоязычными) индивидами, которые могут принадлежать к любой демографической и социально-профессиональной группе населения. Нарушения системы литературного языка, которая признается эталоном речевых произведений, могут затруднять восприятие фонетической, грамматической, лексико-семантической и стилистической системы первичного, вторичного и третичного языков. Овладение вторым, третьим языком – это создание новой языковой системы для отображения объективной действительности.

Разным этапам овладения вторым, третьим языками соответствуют различные формы двуязычия, триязычия, которые отражают разную степень овладения двумя, тремя языками. Двуязычие, или триязычие всегда имеет место, если совершен коммуникативный подход между представителями различных национальностей, народов, и если такой коммуникативный акт в ситуации билингвизма или трилингвизма является не единичным, не случайным, то можно говорить о наличии самой начальной формы двуязычия или триязычия. От состояния одноязычия и до высшей формы национально-русского двуязычия, как отмечает Р.И. Хашимов, (или национально-русско-иностранного – Ф.С.) можно выделить три изоглоссы владения русским языком (или иностранным – Ф.С.). Здесь типы двуязычия устанавливаются по соотношению родного языка с русским (ЯР1 – ЯР2), а типы триязычия, по нашему мнению, можно установить по соотношению родного и русского с любым иностранным: английским (ЯР1 – ЯР2 – ЯА3), немецким (ЯР1 – ЯР2 – ЯН3), французским (ЯР1 – ЯР2 – ЯФ3) и др. При этом «каждая изоглосса характеризуется различной степенью интенсивности проявления интерференции, регулярностью отклонения от норм литературного языка на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях» [Хашимов 1989:140].

В первой изоглоссе мы, вслед за Р.И. Хашимовым, применительно к татарско-русскому двуязычию выделяем коммуникативно значимую интерференцию в одной и той же лингвистической позиции, а во второй – нерегулярную и коммуникативно незначимую интерференцию. При этом I и II изоглоссы объединяются эксплицитностью нарушений норм русского литературного языка, т.е. обе изоглоссы имеют внешние признаки

интерференции на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях. В III-ей изоглоссе интерференция носит имплицитный характер, т.е. отступления от норм русского языка отмечаются на стилистическом уровне.

Для наглядного представления взаимосвязи между формой национально-русского двуязычия и степенью проявления интерференции Р.И. Хашимов демонстрирует удачно разработанной таблицей системы форм двуязычия. Иерархию степени овладения двумя, тремя языками можно использовать и при разработке теоретических основ триязычия и многоязычия в условиях естественного контакта русского и национальных языков при массовом татарско-русском двуязычии. Степень владения двумя, тремя языками нами рассматривается в формах суперферентного, полиферентного, деферентного, метаферентного, мезоферентного, трансферентного, эндоферентного, адаптивного двуязычия и триязычия (многоязычия). Следует отметить, что каждая выделенная форма заслуживает специального исследования.

Вторая глава **«Зоны морфологической интерференции в системе падежных форм и значений русского и татарского языков при контакте с немецким»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Явление интерференции родного и русского языков при контакте с немецким»* отмечается, что термин «интерференция» в настоящее время широко употребляется в лингвистике и в методике преподавания неродного языков. Однако, как у нас, так и за рубежом среди ученых еще нет единого общепринятого понимания сущности интерференции.

Можно выделить две группы ученых, придерживающихся широкого и узкого понимания этого явления. Согласно первой точке зрения под интерференцией понимается отклонение от норм контактирующих языков, включая сюда все виды и типы взаимодействия и сближения языков. Основная лингвистическая проблема состоит в следующем: в какой мере две контактирующие структуры могут сохраняться в неизменном виде, и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга и в какой степени будут способствовать развитию и обогащению контактирующих языков? Под интерференцией принято понимать очень широкое явление, охватывающее все виды и формы взаимовлияния языков. Следовательно, интерференция должна рассматриваться как положительное явление, способствующее взаимообогащению контактирующих языков и выработке общих линий их конвергентного развития, проникновению структурных элементов одного языка в другой, созданию предпосылок для дальнейших сдвигов в развитии их систем.

Другая группа ученых под интерференцией понимает перенос норм родного языка на другой в процессе речи. Это особенно характерно для работ по методике преподавания неродного языка, где интерференция рассматривается как отрицательный перенос навыков родного языка на изучаемый второй или третий язык. Перенос этот сам по себе не может оказать какого-либо заметного влияния на нормы и структуру изучаемого языка. Ведь в данном случае не имеет место взаимовлияние языков, мы сталкиваемся только

с фактами неосознанного ошибочного переноса норм родного языка на второй или третий изучаемый язык.

Так, наблюдение над различными типами, подтипами, видами интерференции показывает, что в процессе овладения новым языковым материалом, при осмыслении и догадке о значении неизученных элементов второго неродного (ЯИЗ) обучающийся может произвольно пользоваться в качестве опоры любым из ранее усвоенных языков (ЯР1, ЯР2). В условиях активного национально-русского двуязычия: первый неродной (ЯР2) – русский, второй – иностранный (ЯИЗ – один из западноевропейских языков), а родной язык обучающихся – татарский (ЯР1), различие алфавита, определенного лексического состава являются причиной переноса в область правил чтения, орфографии, лексико-семантического выражения высказываний с родного и первого неродного языков на второй неродной, иностранный. «Источником рецептивной интерференции в основном являются родной и первый неродной языки» [Артемов 1969:137]. Однако вопрос о том, какой из ранее усвоенных языков ЯР1 или ЯР2 и в какой степени является источником неосознанного переноса при обучении второму неродному языку ЯИЗ в условиях национально-русского двуязычия в настоящее время остается открытым.

Так, одни ученые считают, что наибольшее отрицательное влияние на процесс овладения вторым иностранным языком (ЯИЗ) оказывает не родной язык (ЯР1), а непосредственно перед тем изученный другой иностранный язык (ЯР2) [Sweet 1964:195-197]. Другие приходят к выводу, что на второй неродной язык оказывает определяющее влияние родной язык учащихся, а не первый неродной. [Vildomec 1963:85, 105.]. В подтверждение этой мысли В. Вилдомец приводит результаты анализа речевых ошибок испытуемых на том языке, который является объектом влияния других языков. Следует отметить, что В. Вилдомец анализировал ошибки как результат межязыковой интерференции только в письменных работах. При внимательном изучении его подхода к анализу ошибок можно сделать заключение о том, что многие его выводы субъективны, некорректны.

Обобщая свой опыт обучения иностранным языкам, Н.И. Киселева пришла к выводу, что «...влияние родного языка является преобладающим», и неоднократно подчеркивала, что «...и ошибки, идущие от первого иностранного языка бесспорны; они многочисленны и очевидны [Киселева 1972:57]. Такую же мысль высказала Б.С. Лебединская, которая попыталась решить проблему (на материале лексики немецкого языка при первом иностранном английском) методом количественного и качественного анализа зарегистрированных ошибок. Однако приводимые в её диссертации подсчеты вызывают сомнения [Лебединская 1975:25-30].

Получить ясное и объективное представление о характере интересующего нас взаимодействия конкретных языков при их контакте путем простой регистрации речевых ошибок и констатации того, каким из ранее усвоенных языков они вызваны, нельзя. Здесь причины следующие. Во-первых, при таком методе исследования мы не можем получить данные о количественном соотношении между ошибочными и правильными употреблениями тех или

ных явлений иностранного языка. Во-вторых, это самое главное - наличие коррелята анализируемого явления второго иностранного языка в системе первого иностранного языка. В числе пройденного учебного материала первого иностранного языка это еще не означает, что он мог взаимодействовать с анализируемым явлением первого иностранного языка в процессе построения фразы, в которой зарегистрирована ошибка, поскольку неизвестно, на каком уровне данный обучающийся владеет явлением коррелята в первом иностранном языке.

Поскольку речь на иностранном языке (имеется в виду зрелая речь) отличается от речи на родном языке только кодом, а все остальные компоненты речи (мышление, оперативная память, опережающее планирование и т.д.) универсальны, функционирование или нефункционирование этих универсальных компонентов в речи на иностранном языке зависит от того, как усвоен новый для человека код, т.е. иностранный материал. Неадекватно усвоенный языковой материал тормозит функционирование универсальных механизмов речи. А адекватность усвоения достигается только в том случае, если осуществлено необходимое число повторений данной языковой единицы в условиях, воспроизводящих те условия, в которых эта единица должна функционировать. В этой связи принципиальное значение и ведущая роль придется речевым упражнениям.

Тот или иной уровень адекватного выражения падежных форм и значений может определяться условиями, в которых на решающей стадии осуществляется активизация конкретного падежного значения. Под условиями понимается количество и степень сложности операций, осуществляемых параллельно с отработываемым действием для преодоления интерференции родного или первого неродного языков. Соответственно можно говорить об уровневых характеристиках упражнений и различать упражнения более высокого и более низкого уровней, а также о более высокой активизации и более низкой.

Во втором параграфе *«Сопоставление системы падежных форм и значений в немецком, русском и татарском языках как основа определения интерференции»* рассматриваются вопросы сопоставительного, контрастивного, типологического, сравнительно-типологического анализа языковых фактов; определения языка-эталона как исходного языка сопоставления; дидактически ориентированного сопоставления: от формы к значению и от значения к форме; принципов сопоставления падежных форм и значений в немецком, русском и татарском языках; сопоставления конкретных фрагментов падежных форм и значений в них.

Качество лингводидактической обеспеченности по формированию и развитию двуязычия и многоязычия зависит от степени разработки научных основ учебного процесса. Уровень их разработанности связан с сопоставительным изучением иностранного языка (ЯИ 3) с родным (ЯР 1) и с первым неродным (ЯР 2). Такое изучение создает основу общей теории языка, позволяет установить единые законы организации и функционирования единиц различных языковых систем и подсистем, определить типологические общности

языков, специфические факты, явления, которые остаются вне поля зрения при изолированном исследовании. Последовательное сопоставление языков позволяет вскрыть их структуры с большей наглядностью и значительно оптимизировать процесс обучения иностранным языкам. В современных условиях приоритетным считается педагогически ориентированное межъязыковое сопоставление. Оно предполагает адекватное решение поставленных задач: выявление потенциальных зон интерференции при изучении иностранного языка в условиях национально-русского двуязычия.

При изучении явления интерференции в связи с выражением падежных форм и значений немецкого языка в условиях татарско-русского двуязычия можно подходить с позиций:

- 1) научной предсказуемости, основанной на предварительном сопоставлении падежных форм и значений контактирующих языков, в результате которой раскрывается их полное или частичное несовпадение;

- 2) анализа интерферентных ошибок, т.е. отрицательного материала с последующим сопоставлением соответствующих категории в системах контактирующих языков (фактическая интерференция).

Нами был выбран первый подход. Однако в современной лингвистике само содержание межъязыковых сопоставлений мыслится довольно неоднозначно. На это, в частности, указывают уже различные определения процедур сравнения языков: «сопоставительное языкознание», «сопоставительный метод», «лингвистическое сопоставление», «сравнительно-сопоставительный метод», «характерология», «контрастивная лингвистика», «сравнительная типология» [Юсупов 1983:14; Реформатский 1962:23-33; Барсуک 1970:11-13; Баскаков 1962:62-135; Виноградов 1983:45; Ахунзянов 1973:189 и др.], каждая из которых характеризуется определенным своеобразием как с точки зрения объема привлечения сопоставительного материала, так и методов и задач его лингвистической интерпретации. В работе рассматриваются вопросы сопоставительного, контрастивного, типологического, сравнительно-типологического анализа языковых фактов; определения языка-эталона как исходного языка сопоставления; дидактически ориентированного сопоставления: от формы к значению и от значения к форме.

Сопоставительная характеристика системы падежных форм и значений в немецком, русском и татарском языках была построена на следующих основаниях:

1. Учет типологического (флективность – немецкого, русского и агглютинативность – татарского) расхождения трех языков как фактор, определяющий специфику системы падежных форм в сопоставляемых языках и обуславливающий своеобразие их как «средств выражения падежных значений».

2. В качестве исходного языка сопоставления, языка – эталона, избраны немецкий и русский языки, что соответствует исходной задаче сопоставления – педагогически ориентированному выявлению зон потенциальной интерференции при изучении немецкого в условиях естественного татарско-русского двуязычия.

3. Сопоставление по большей части осуществляется по принципу «от формы – к смыслу» с учетом принципа «от смысла – к средствам его выражения». Но вместе с тем реализация последнего принципа осуществляется с ограничением только в падежной системе, что связано с объективными причинами: недостаточной разработанностью функционального направления в сопоставляемых языках.

4. Наиболее широко применяемым методом исследования интерференции в системе контактирующих языков и их специфики, в данном случае татарского, русского и немецкого является сопоставительно-типологическое описание, выявление и сопоставление их дифференциальных признаков. Однако это сопоставление носит качественно новый характер по сравнению с традиционным и квалифицируется как межъязыковое, поскольку оно направлено на установление общих и специфичных межъязыковых сходств и различий, на выявление межъязыковых эквивалентов.

Сопоставительное изучение категории падежа в этих языках позволяет выявить значительное количество расхождений и взаимоисключающих контрастных форм в каждом из них, которые создают большую потенциальную возможность для интерференции.

Как в русском, так и в татарском языках, в отличие от немецкого, имеется шесть падежей, значения которых не всегда совпадают и зачастую сильно отличаются друг от друга. Так, например, в немецком и русском языках именительный падеж отвечает на вопросы: кто? что?, в татарском языке соответствующий ему основной падеж (баш килеш) отвечает на вопрос: кем? нәрсә?. В русском родительный падеж (кого? чего?) – в татарском притяжательный падеж (иялек килеше) отвечает на вопросы: кемнән? нәрсәнән? В русском дательный падеж (кому? чему?) – в татарском ему соответствует направительный падеж – юнәлеш килеше – (кемгә? нәрсәгә?кай?). В русском винительный падеж (кого? чего?) – в татарском (төшем килеше – винит. падеж) отвечает на вопросы: кемне? нәрсәне? В русском творительный падеж (кем? чем?) – в татарском (чыгыш килеше) исходный падеж отвечает на вопросы: кемнән? нәрсәдән? кайдан? В русском предложный падеж (о ком? о чем?) – в татарском местно-временный падеж (урын-вакыт килеше) отвечает на вопросы: кемдә? нәрсәдә? кайда?

Русский именительный падеж, так же как и основной падеж (баш килеш) в татарском, – начальная форма имени существительного, которая выражается при названии лиц, предметов и явлений. В отличие от русского языка, в котором имена существительные в именительном падеже могут быть подлежащим, сказуемым, обращением, приложением, в татарском имя существительное в основном падеже может употребляться в качестве дополнения, например: *мин китап укыйм* (я читаю книгу), *Ich lese ein Buch*, букв. – я книга читаю. Вместо русского винительного падежа книгу в татарском языке употребляется слово китап, стоящее в основном падеже (баш килеш). По этой причине в русской речи обучающихся нерусских школ встречаются такие ошибки, как *Я читаю газета* - *Мин газета укыйм* - *Ich lese eine Zeitung*; *Она носит вода* - *Ул су кутерә* - *Sie trägt Wasser*. Сюда же

относятся и такие типичные ошибки, как *желаю успех*. Сравните с татарским: *Уңыш телим*, где *уңыш* - *успех* выражен в основном падеже.

В отличие от русского языка немецкий имеет всего 4 падежа: именительный – *der Nominativ*, который отвечает на вопросы: *wer?* – кто? *was?* – что?, родительный – *der Genitiv*, который отвечает на вопросы: *wessen?* – чей?, чья?, чьё?, дательный – *der Dativ*, который отвечает на вопросы: *wem?* – кому, *wo?* – где? *wann?* – когда винительный – *der Akkusativ*, который отвечает на вопросы: *was?* – что?, *кого?*

В немецком языке, в отличие от русского, перед существительным стоит артикль, который определяет род, число и падеж существительного. Существует определенный артикль – *der bestimmte Artikel* и неопределенный артикль – *der unbestimmte Artikel*.

Существительные мужского и среднего рода получают в родительном падеже единственного числа окончание – *s* или – *es*, а женского рода в единственном числе не получают никаких окончаний. Существительные всех трех родов получают в дательном падеже множественного числа окончание – *n* или – *en*. Небольшое число существительных не подчиняется этому правилу. Предложный и творительный падежи, имеющиеся в русском языке, но отсутствующие в немецком выражаются с помощью 4-х падежных форм и предлогов. *Ich fahre mit der Strassenbahn* – Я еду на трамвае (предложный падеж).

В третьем параграфе «Выражение форм категорий падежа в немецком, русском и татарском языках» рассматривается содержание падежной категории в сопоставляемых языках; парадигма падежных форм; выражения *И. п., Р. п., Д. п., В. п.* в немецком, русском и татарском языках; *Т. п., П. п.* в русском и татарском языках; функций предлогов в *Р. п., Д. п., В. п.* в немецком, русском и послелогов в татарском, а также их эквиваленты в сопоставляемых языках; функция предлогов *Т. п., П. п.,* в русском и эквивалентные послелоги в татарском.

Категория падежа, в немецком, русском и в татарском в отличие от всех других категорий как имени, так и глагола, выступает как категория синтаксиса, а не морфологии. Выражаемое ею отвлеченное значение складывается не в парадигме слова как в системе его форм, а в словосочетании, т.е. является не парадигматическим, а синтагматическим. Падеж в том и другом языке является той грамматической категорией, которая показывает синтаксическую роль существительного и его связи с другими словами в предложении.

Все падежи, за исключением именительного, в сопоставляемых языках называются косвенными. Косвенные падежи в немецком и русском языках могут употребляться как с предлогом, так и без него (кроме предложного падежа, который в современном русском языке без него не употребляется). Предлоги в обоих языках служат для уточнения значений падежей. В татарском языке вместо предлогов функционируют послелоги.

В русском языке падежные флексии выражают одновременно три морфологических значения: падежа, рода и числа. В отличие от русского, в

татарском языке аффикс -ка с слове *атка* указывает только на значение дательного падежа и никаких других значений не имеет.

Склонение имен существительных в русском и немецком языках является более сложным, чем в татарском, так как оно тесно связано с категорией рода и числа. Деление имен существительных на типы склонения в русском и немецком языках зависит от грамматического рода, который является основным стержнем для классификации имен существительных. Поэтому в русском и немецком языках соответственно количеству родов имеются три склонения. В тюркских языках, в том числе в татарском, ввиду отсутствия категории рода имеется не три, а только одно склонение.

Парадигмы первого и второго склонения единственного числа и парадигмы всех склонений во множественном числе имеют пять различных форм; парадигмы третьего склонения в единственном числе – только три различные формы. В составе каждой из частных парадигм есть формы с омонимичными падежными флексиями; так материально совпадают флексии И. п. и В. п. или Р. п. и В. п.». Сравним с немецким языком мужского рода единственного числа (Maskulina singular):

N. der (ein) Vater – отец	D. dem (einem) Vater – отцу
G. des (eines) Vaters – отца	A. den (einen) Vater – отца

В немецком языке в отличие от русского особый падежный аффикс имеется у существительных в Genetiv, а определенный и неопределенный артикли имеют соответствующие падежные формы. Теперь сравним склонение существительных женского рода в единственном числе (Feminina singular):

N. die (eine) Mutter – мать	D. der (einer) Mutter – матери
G. der (einer) Mutter – матери	A. die (eine) Mutter – мать

В отличие от существительных русского языка в немецком женское склонение падежных окончаний не имеет (нулевое окончание), но определенный и неопределенный артикли имеют соответствующие падежные формы. Сравним склонение существительных среднего рода в единственном числе (Neutra singular):

N. das (ein) Kind – ребенок	D. dem (einem) Kind – ребенку
G. des (eines) Kindes – ребенка	A. das (ein) Kind – ребенка

В немецком языке в отличие от русского особый падежный аффикс имеется у существительных среднего рода (Genetiv), а определенный и неопределенный артикли имеют соответствующие падежные формы. Сравним множественное число для всех трех родов – Plural für alle drei Genera: N. die Väter, Mütter, Kinder – отцы, матери, дети

- G. der Väter, Mütter, Kinder – отцов, матерей, детей
 D. den Vätern, Müttern, Kindern – отцам, матерям, детям.
 A. die Väter, Mütter, Kinder – отцов, матерей, детей

В немецком языке в отличие от русского во множественном числе все существительные принимают одно окончание в одном падеже: в дативе они имеют окончание – *en*, а в татарском аффикс множественности – *лар-га*.

В отличие от русского языка для падежной системы татарского характерно наличие строго определенных 5 аффиксов, употребляющихся в двух вариантах для обозначения твердости и мягкости, связанных с законом сингармонизма: р. п. (иялек килеше) - *ның* - *нең*: карганың (вороны), күлнең (озера); д. п. (юнәлеш килеше) - *га* - *гә*: каргага (вороне), күлгә (озеру); в. п. (төшем килеше) - *ны/-не*: карганы (ворону), күлне (озеро); исх. п. (чыгыш килеше - *дан/ - дән*: каргадан (от вороны), күлдән (из озера); мест.-вр. п. (урын-вакыт килеше): *-да/-дә*: каргада (у вороны), күлдә (в озере).

Существенное отличие татарской падежной системы заключается в том, что эти же пять падежных аффиксов употребляются как в единственном, так и во множественном числах. Во множественном числе перед падежными аффиксами ставится показатель множественности - *лар*, - *ләр*, т.е. форма множественного числа.

Единственное число:		Множественное число:	
Тверд. склон.	Мягк. склон.	Тверд. склон.	Мягк. склон.
Б (Им. п.) карга	күл	(Им.п.) каргалар	күл-ләр
И (Р. п.) карга-ның	күл-нең	(Р.п.) карга-лар-ның	күл-ләр-нең
Ю (Д. п) карга-га	күл-гә	(Д.п) карга-лар-га	күл-ләр-гә
Т (В. п.) карга-ны	күл-не	(В.п.) карга-лар-ны	күл-ләр-не
Ч (Исх. п) карга-дан	күл-дән	(Исх.п) карга-лар-дан	күл-ләр-дән
У.в. (мест.вр.пр.) карга-да	күл-дә	(мест.вр.пр.) каргалар-да	күл-ләр-дә

В русском языке важную роль в склонении имен существительных играет ударение: *ру́ки, руки́*. В немецком и в татарском языках такая функция ударения отсутствует. В зависимости от места ударения в русском языке в одном и том же склонении появляется не одно, а два падежных окончания: например, имена существительные II склонения с основой на *ж, ш* в творительном падеже под ударением имеют окончания - *ом* (*ножом, шалашом*), а если ударение падает на основу слова - - *ем* (*пляжем, ландышем*).

В немецком языке, как и в татарском, в склонении имен ударение никакой роли не играет, так как в татарском оно постоянно падает на последний слог, а в немецком – на корень слова и является неподвижным.

В русском языке, в отличие от татарского, одно и тоже существительное может иметь не одно, а два окончания в одном и том же падеже. Например, имена существительные II скл. мужского рода с вещественным значением в

родительном падеже имеют окончание - а, - я – *нет сыра, нет чая*, но когда берется часть от целого, то употребляется форма на - у, - ю – *купить сахару, купить чаю* (так называемый род партитивный).

Имена существительные мужского рода с собирательным и отвлеченным значением могут иметь в родительном падеже окончания - у, - ю – *много народу, со страху* и т.п. То же самое явление наблюдается в предложном падеже единственного числа у имен существительных II склонения с непроизводной основой, с устойчивым ударением на основе при употреблении с предлогами *в* и *на*: *в саду, на берегу, на краю, на лугу*. Если ударение падает на окончание, то употребляются формы на - у, - ю. Если ударение падает на основу, а не на окончание, мы имеем форму на - е: *о лесе, о саде*. Формы на - у, - ю мы встречаем у вещественных имен существительных: *в жиру, в пуху, на снегу, на льду*; у имен существительных, обозначающих собрание людей: *в полку, в строю*; у имен существительных, обозначающих действие, состояние или определяющих период времени: *в бою, в бреду, в отпуску*, возможна и вторая форма: *в отпуске*.

В немецком и татарском языках употребление таких дублетных падежных форм не наблюдается. Поэтому на усвоение этих двойных падежных окончаний в процессе обучения русскому языку учеников – татар следует обратить особое внимание.

При выражении И. п. в немецком (N), русском и татарском (Осн. п.) наблюдаются следующие зоны интерференции:

1) при недифференцированности форм подлежащего и предикатива в немецком языке:

<i>Er ist Student</i>	Он студент	Ул студент
<i>Er war Student</i>	Он был студентом	Ул студент булган иде
<i>Er wäre jetzt Student</i>	Он был бы теперь студентом	Ул студент булыр иде
<i>Er wurde Student</i>	Он стал студентом	Ул студент булды

2) при недифференцированных формах определения и определяемого в немецком :

<i>Der Holzspaten</i> – деревянная лопата – агач көрак (букв.: дерево лопата);
<i>Das Goldring</i> – золотое кольцо – алтын йөзек (букв. золото кольцо);
<i>Das Eisentor</i> – железные ворота – тимер капка (букв.: железо ворота).

3) при атрибутивных отношениях с зависящим именем в Р. п. в русском, немецком:

<i>Обложка книги</i> – <i>Der Buchumschlag</i> – китап тышы (букв. книга обложка);
<i>Крыша здания</i> – <i>Das Dachgebäude</i> – бина түбәсе (букв. здание крыша).

4) при обозначении количества при числительных со словами *много, мало, есть, нет*, например: *Fünf Bücher* – пять книг – биш китап (букв. – пять книга); *Wenig Leute* – мало людей – кеше аз, (букв. – мало человек); *einige Tage* – несколько дней – берничә көн (букв. – несколько день).

5) при выражении значения совместимости (комитативное значение) И. п. в татарском, Т. п. в русском и в Д. п. с предлогом *mit* и артиклем в немецком *mit*

dem Bleistift schreiben – писать карандашом – карандаш белән язү (букв. с карандашом писать); *mit der ernsten Tone sagen* – говорить серьезным тоном – жигди тон белән әйтү (букв. с серьезным тоном говорить); *das Dach mit dem Eisen decken* – покрыть крышу дома железом – өй түбәсен калай белән ябу (букв. с железом крышу дома покрыть).

При выражении Р. п. в немецком (Genetiv), в русском (Им. п.) и татарском (Иялек. к.) наблюдаются следующие зоны интерференции:

1) при субстантивном Р.п. в функции определения, приглагольного дополнения и обстоятельства в немецком языке соответствует русскому и татарскому Д. п., ср.: *sich freuen über den Erfolg* – радоваться успеху – унышларга куану;

2) при субстантивном Р. п. и В. п. отрицания или при переходе действия не на весь объект, а только на его часть, ср.:

Er liebte Gedichte – он любил стихи – ул шигырьләрне яратты, но: *Er liebte Gedichte nicht* – он не любил стихов – ул шигырьләрне яратмаган.

Er kaufte dieses Brot – он купил этот хлеб – ул бу ипине сатып алган, но: *Er hat Brot und Kirsche gekauft* – он купил хлеба и вишен – ул ипине һәм чияне сатып алган.

3) при Р. п. с глаголами со значением «желать» – *wünschen*; «искать» – *suchen*; «просить» – *bitten*; «бояться» – *sich fürchten*; «лишаться» (кого? чего?) – *verlieren*.

4) при Р. п. выражающим части объекта или родительном разделительном: *das Papier besorgen* – достать бумагу – кагазь табу; *den Zucker kaufen* – купить сахар – шикәр сатып алу; *das Wasser bringen* – принести воды – су алып килү.

1. при Р. п. неполном, неопределенном количестве объекта, ср.: *ein wenig Salz nehmen* – взять немного соли – берәз тоз алу; *ein wenig Milch trinken* – выпить немного молока – берәз сөт эчү; *ein wenig Wasser trinken* – выпить немного воды – берәз су эчү; *ein wenig Holz hacken* – нарубить немного дров – берәз утын яру; *einige Bleistifte kaufen* – купить несколько карандашей – берничә карандаш сатып алу.

Под влиянием норм родного языка здесь могут быть допущены такие ошибки: взять соль, выпить вода, купить карандаш в русском языке, а в немецком *Salz nehmen, Milch trinken, Wasser trinken* и т.д.

Далее в диссертации определяются зоны интерференции в связи с выражением Д. п., В. п. в немецком, русском и татарском языках; Т. п., П. п. в русском и татарском, а также при выражении функций предлогов в Р. п., Д. п., В. п. в немецком, русском и послелогов в татарском, определении их эквивалентов в сопоставляемых языках, в том числе функций предлогов Т. п., П. п., в русском и эквивалентных послелогов в татарском.

Заключение содержит основные выводы, обобщающие результаты работы, даются краткие рекомендации и предложения по результатам исследования, раскрываются перспективы работы над темой.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Усманова, Ф.С. Интерференция родного языка и первого неродного при контакте с иностранным / Ф.С. Усманова // Вестник Башкирского государственного университета. – Уфа, 2008. – № 3. – С. 574–581.
2. Усманова, Ф.С. Интерференция в переводе / Ф.С. Усманова // Вестник Московского лингвистического университета. – М., 2008. – №7. – С. 171–181.
3. Усманова, Ф.С. Роль родного языка в условиях формирования триязычия / Ф.С. Усманова // Иностранные языки в школе – М., 2008. – №7. – С. 15–21.

Другие публикации:

4. Усманова, Ф.С. Двужычие / Ф.С. Усманова // Филологические чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2007. – С. 303–315.
5. Усманова, Ф.С. Новые цели, содержание и технологии обучения иностранному языку / Ф.С. Усманова // Материалы областной научно-практической конференции. Оренбург, 2007. – С. 60–65.
6. Усманова, Ф.С. Лексико-грамматическая интерференция в русской речи татар / Ф.С. Усманова // Составляющие научно-технического прогресса: Материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2006. С. 35–40.
7. Усманова, Ф.С. Содержание сопоставительного изучения языков двуязычного многоязычного обучения / Ф.С. Усманова // Сулеймановские чтения. Тобольск, 2007. – С. 203–207.
8. Усманова, Ф.С. Двужычие – многоаспектный объект билингвологии / Ф.С. Усманова // Занкиевские чтения – 2007: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск, 2007. – С. 31–37.
9. Усманова, Ф.С. Интерференция и билингвизм в обучении грамматическим навыкам немецкого языка учащихся-татар / Ф.С. Усманова // Сулеймановские чтения – 2007: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2007. – С. 75–78.
10. Усманова, Ф.С. Явление интерференции в ситуации искусственного триязычия / Ф.С. Усманова // Материалы международной научно-практической конференции. Уфа, 2005. – С. 52–58.
11. Усманова, Ф.С. Обучение устной речи на иностранном языке на неязыковом факультете / Ф.С. Усманова // Итоговая научно-практическая конференции преподавателей и студентов Орского гуманитарно-технологического института. Орск, 2004. - С. 3–7.
12. Усманова, Ф.С. Вопрос об интерференции немецкого и русского языков / Ф.С. Усманова // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: преемственность поколений. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Sterlitamak, 2008. – С. 252– 253.

13. Усманова, Ф.С. Немецкий язык – новые слова – всякие времена / Ф.С. Усманова // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе. Пенза, 2008. – С. 5 -7.
14. Усманова, Ф.С. Методические указания по развитию навыков устной речи для студентов неязыковых факультетов. Орск, 2007. -20 с.
15. Усманова, Ф.С. Многоязычие и общество / Ф.С. Усманова // Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке. Сулеймановские чтения – 2008: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск, 2008. – С. 189-192.

Отпечатано с оригинал-макета. Подписано в печать 18.11.08
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. 1,5 л. Тираж 100 экз. Заказ № 1351

Печать, брошюровка и переплет минитипографии
ГОУ ВПО «Тобольского государственного педагогического института
им. Д.И.Менделеева»
626150, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.